

УДК 159.9.072.43

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ И ОТНОШЕНИЯ К ОДИНОЧЕСТВУ НА ЭТАПЕ ГЕРОНТОГЕНЕЗА¹

Ж.М. Глозман^а, В.А. Наумова^б, А.В. Мазуркевич^б

^а *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1*

^б *Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 683032, Россия, Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, д. 4*

Статья посвящена изучению одиночества стареющего человека как многомерного феномена. Исследование проводилось на выборке из 135 респондентов в возрасте от 60 до 82 лет в двух кластерных группах с различным уровнем психологического благополучия. Результаты исследования выявляют групповую специфичность переживания одиночества и актуализируют необходимость изучения позитивного аспекта одиночества в старости как ресурса уединения для разрешения экзистенциальных и духовных проблем возраста.

Ключевые слова: общее одиночество; отчуждение; дисфория одиночества; уединение; позитивное одиночество; геронтологическая когорта.

*Секрет спокойной старости состоит в том,
чтобы войти в достойный сговор с одиночеством.*
Г. Маркес

Введение

Неуклонный и стремительный рост относительной доли стареющего населения мирового сообщества все более очевиден [1]. В современном обществе угол зрения при понимании проблемы старения как «демографического вызова» [2. С. 16] начинает смещаться в сторону ее «культурной адаптации, включающей переосмысление взаимоотношений между материальными и духовными потребностями, изменяющимися вследствие долголетия» [3. С. 46]. Открытия и достижения исследований проблемы геронтогенеза свидетельствуют о том, что за последние примерно сто лет представления о старости претерпели значительные трансформации от господства парадигмы инволюционно-биологической к парадигме адапционно-компенсаторной, где период позднего онтогенеза рассматривается как потенциально-ресурсный, обладающий достаточной палитрой механизмов для продолжающегося развития человека [4–6 и др.].

Кроме того, многочисленные примеры организации активного взаимодействия стариков с миром с опорой на позитивные аспекты функционирования старения репрезентируют варианты высокопродуктивного и успешного старения [7, 8 и др.].

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта №18-013-00323.

В контексте современных реалий факты удлинения жизненного пути и «феномена стареющего населения» [9. С. 6] актуализируют вопросы обеспечения (сопровождения) старости через призму возможностей для дополнения (наполнения) благополучия жизни к годам долголетия [10 и др.].

В то же время на сегодняшний день еще сильны традиционные представления о старости как о возрасте неминуемых утрат и потерь, где «почетное место» и статус высокой практической значимости сохраняет проблема одиночества как обязательного следствия старения либо как распространенного и неотъемлемого атрибута позднего онтогенеза [11, 12 и др.].

Одиночество человека, появление интереса к которому мы можем обнаружить уже в эпоху зарождения теоретического познания, и сегодня является одной из важнейших проблем современной научной дискуссии в разных областях. В академической психологии аспекты одиночества разрабатываются в рамках теории привязанности [13 и др.], анализа результатов несоответствия между планируемым удовлетворением от взаимодействий и достигнутым уровнем взаимоотношений [14 и др.], социокультурного анализа одиночества [15, 16 и др.], изучения переживания чувства одиночества в возрастно-гендерном аспекте [17, 18 и др.], исследования механизмов отчуждения и модусов автономизации личности [12, 19 и др.]; позитивного аспекта уединения [20, 21 и др.].

Важно отметить, что, несмотря на довольно длительный период научного изучения одиночества, на настоящий момент отмечаются отсутствие понятийного единства и довольно частые авторские разнозначтения или расхождения при трактовке дефиниций одиночества [15 и др.].

Мы солидарны с мнением ряда исследователей [12, 22 и др.], которые предлагают при анализе феномена одиночества дифференцировать близкие, но не тождественные понятия: психологическое состояние, субъективно переживаемое личностью; жизненный стиль; прекращение или сокращение контактов по обстоятельствам, не зависящим от индивида (изоляция), как «осмысленное предпочтение или вынужденная реальность» [22. С. 39].

В наиболее общем виде одиночество понимается как негативное переживание собственной невовлеченности в глубокие отношения с окружающими [23]. Данное переживание может возникать при нахождении в сообществе, но без психологического контакта (отчуждение), или при добровольно принятом уединении, необходимом для понимания «опыта впечатлений и взаимодействий с миром» [Там же. С. 6].

В подавляющем большинстве исследования одиночества в геронтологических группах рассматриваются фрагментарно и разных контекстах: предиктора быстрого старения, развития дегенеративных процессов и смертности [24 и др.]; объединения и разъединения людей [25, 26 и др.], социальных условий или места проживания [26, 27 и др.], психосоциальной дезадаптации [28 и др.], в контексте теорий капитала [29, 30 и др.], суицидального поведения [31 и др.].

Резюмируя, можно предполагать, что одиночество для старости – это неоднозначное понятие, которое в целом представляется как негативная

проблема. Важно также отметить, что зачастую в публикациях объединяют представления об «одиноким жизни в старости» и «переживания одиночества в старости». Факт отдельного, самостоятельного проживания человека на этапах позднего онтогенеза автоматически не актуализирует обязательный опыт эмоционального переживания одиночества как опыта переживания невовлеченности, невостребованности, индифферентности или непринятия его окружающими, в соответствии с которым может конструироваться его повседневность. Результаты некоторых исследований [8, 11 и др.] свидетельствуют о возможностях и состоятельности пожилых и старых людей довольно успешно обходиться в обиходе без сторонней помощи. Кроме того, они демонстрируют стремление стареющего человека проживать отдельно, «сохраняя независимость до последней возможности» [22. С. 40]. Респонденты относят к преимуществам «одиноким жизни» мобилизационную функциональность по принципу «если не я, то кто?», возможность временного уединения во взаимоотношениях для оценивания своего актуального опыта в «контексте собственной жизни более широко, чем “здесь и теперь” под влиянием сильных эмоций» [Там же. С. 41].

Переживания одиночества в старости репрезентируют разнообразие его вариантов со стороны самого стареющего человека, причем часто они не связаны непосредственно с изоляцией или отчуждением, но с его предубеждениями, когнитивной оценкой или (не)удовлетворенностью содержанием, качеством своих социальных контактов.

В целом одиночество старыми людьми характеризуется как состояние, при котором сохраняются возможности и права на суверенность жизненного пространства и реализацию жизненных замыслов на фоне непринятия, пренебрежения, отчуждения, непонимания или безразличия со стороны окружающих [22, 32 и др.].

Из представленного краткого обзора очевидны важность и необходимость исследования феномена одиночества в старости не только как негативной проблемы, но и как культурного обоснования вариативного отношения личности к одиночеству и уединению и возможности найти в нем позитивный ресурс для «формирования всего строя психической жизни пожилого человека, выработки им новой жизненной позиции» [33. С. 273].

Данный факт дает основание сформулировать **цель исследования** – изучить одиночество стареющего человека как *многомерный феномен*, включающий анализ степени актуального ощущения одиночества, нехватки близкого общения с другими людьми, (не)способность оставаться одному и находить ресурс в ситуациях уединения.

Предпосылками настоящего исследования послужило несколько положений:

– одиночество – это не прерогатива старости, но именно на склоне лет оно становится критичным и значимым, поскольку уже меньше возможности скрыть свою растерянность в социальных отношениях и дефицит вовлеченности в общественные процессы [34];

– нереплексивное понимание активности в старости, не подкрепленное «экзистенциальными преимуществами долгой жизни», может привести стареющего человека к лишенному смысла положению простого существования или стереотипного клиширования жизни другого [3].

Опираясь на описанные подходы, мы предположили, что пожилые и старые люди с разными уровнями *психологического благополучия* (ПБ) будут демонстрировать специфику в отношениях к переживанию, представлению и принятию одиночества.

При этом для измерения уровня психологического благополучия мы вслед за С.Д. Ryff (1989) делали акцент на необходимости уравнивания между освобождением человека от проблем, препятствующих полноценному функционированию, и обязательным усилением позитивных (сильных) характеристик личности, способных создавать возможность благополучного функционирования человека. Нами был использован подход С.Д. Ryff в понимании *психологического благополучия* как объективной оснащенности необходимыми психологическими особенностями, обеспечивающими более успешное функционирование субъекта [35].

Методики и испытуемые

Группу испытуемых составили жители Камчатского края в количестве 135 человек в возрасте от 60 до 82 лет (рис. 1). Участие в исследовании было добровольным, по месту жительства респондентов.

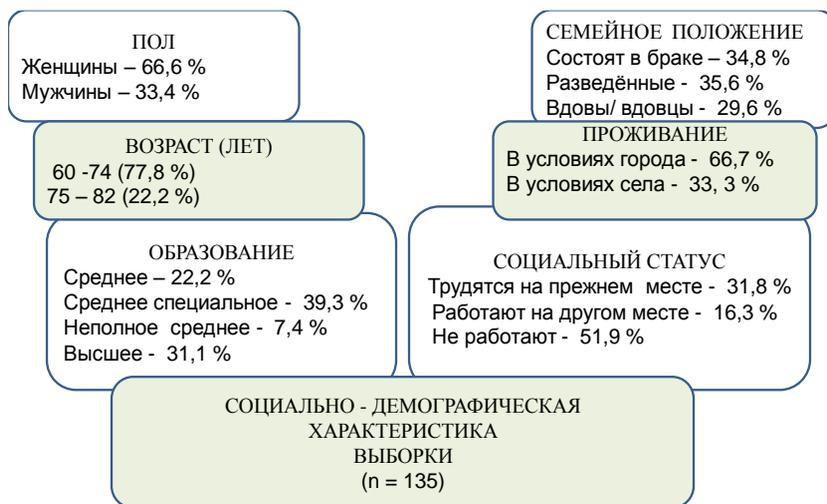

Рис. 1. Социально-демографическая характеристика группы испытуемых

Методики исследования

Шкала психологического благополучия К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, Т.П. Фесенко, 2005) позволяет оценить и проанализировать актуальное психологическое благополучие респондентов [36].

Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО) (Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев, 2016) позволяет исследовать одиночество как многомерный феномен [20]. Авторы методики исходят из необходимости не только рассмотрения в одиночестве негативных аспектов, но и обязательного анализа его как экзистенциального факта, который позволяет человеку ценить и творчески реализовывать уединение как значимый ресурс для самореализации. Опросник содержит 40 утверждений, сгруппированных в 3 шкалы и 8 субшкал.

Шкала «Общее одиночество» (ОО) отражает актуальность переживания ощущения одиночества. Шкала включает три субшкалы: «изоляция» анализирует наличие / отсутствие людей, с которыми возможен доверительный контакт; «переживание одиночества» отражает внутренние переживания, конструирующие образ Я как (не)одинокоего человека; «отчуждение» изучает наличие / отсутствие значимых связей с окружающими.

Шкала «Зависимость от общения» (ЗО) исследует (не)способность человека оставаться одному и включает три субшкалы: «дисфория одиночества» измеряет негативные чувства, связанные с пребыванием в одиночестве; «одиночество как проблема» отражает оценку одиночества как феномена; «потребность в компании» трактует переживаемую (не)потребность в общении.

Шкала «Позитивное одиночество» (ПО) оценивает способность человека (не) находить ресурс в уединении и его продуктивной реализации (субшкалы «радость уединения» и «ресурс уединения»).

Дизайн исследования

На *первом этапе* была сделана попытка классификации общей выборки респондентов по характеристикам выраженности уровневых показателей психологического благополучия (ПБ) с целью дальнейшего изучения специфики переживания и отношения к одиночеству в кластерных группах.

Для этого с помощью иерархического кластерного анализа стандартизированных баллов 9 субшкал «Шкалы психологического благополучия К. Рифф» респонденты были разделены на две группы: экспериментальная группа 1 (ЭГ-1) и экспериментальная группа 2 (ЭГ-2) (табл. 1). В ЭГ-1 значимо преобладают респонденты, отмечающие информацию о наличии семьи, трудоустройстве и проживании в городских условиях. Значимые различия в кластерах по уровню образования и полу не фиксируются. Средний возраст участников в первой экспериментальной группе 70,1 год, во второй группе – 66,4 года.

Таблица 1

Социально-демографические характеристики кластерных групп

Характеристики	Представленность в ЭГ-1, % (n = 56)	Представленность в ЭГ-2, % (n = 73)	Критерий Фишера $F_{эмп}$
Возраст			
60–74	69,6	86,3	2,29**
75–82	30,4	13,7	2,30*

Окончание табл. 1

Характеристики	Представленность в ЭГ-1, % (n = 56)	Представленность в ЭГ-2, % (n = 73)	Критерий Фишера $F_{эмп}$	
Пол				
Женский		64,3	71,3	1,30
Мужской		35,7	28,7	0,84
Место проживания				
Город		82,1	53,4	3,53**
Село		17,9	46,6	3,52**
Семейное положение				
Женат / замужем		48,2	26,0	2,61**
Разведена(ен)		33,9	24,7	1,14
Вдова(ец)		17,9	49,3	3,83**
Уровень образования				
Неполное среднее		3,6	8,2	1,15
Среднее общее		21,4	21,9	0,08
Среднее специальное		39,3	41,1	0,22
Высшее		35,71	28,76	0,84
Социальный статус				
Трудится на прежнем месте		33,9	30,1	0,46
Трудится в другой организации		28,6	6,9	3,34**
Не работает		37,5	63,0	2,89**

Примечания. Часть исследуемых были исключены из обработки (2 женщины (65 и 69 лет) и 4 мужчины (73–82 года)) из-за значений показателей, которые резко отклоняются от параметров выборки и объективно не входят в диапазон экспериментальных групп. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

Данные табл. 2 фиксируют показатели компонентов психологического благополучия обеих групп. Анализ представленных данных свидетельствует, что они входят в диапазон средних значений (по нормативам средних показателей в целом по выборке), но при сравнении двух выборок с помощью t-критерия Стьюдента обнаруживаются их значимые различия.

Так, в первой экспериментальной группе регистрируются значимо более высокие показатели по шкалам 2–6 и 8–9 ПБ и более низкие по шкале 7 – «баланс аффект».

По параметрам субшкалы «положительные отношения с другими» достоверно значимых различий в сформированных группах не было выявлено. Результаты отдельных исследований свидетельствуют о том, что сохранение положительного отношения к другим на этапах геронтогенеза может выполнять важную ресурсную роль для преодоления возрастных трудностей или потерь и сохранения активного функционирования стареющим человеком как субъекта собственной жизнедеятельности [8 и др.]. Регистрируемый факт позволяет нам предполагать сохранение возможностей удовлетворительного и доверительного отношения участников исследования с окружающими.

Во второй кластерной группе значимо выше показатели компонента ПБ «баланс аффект» ($p \leq 0,01$), что можно трактовать как тенденцию респондентов к недооценке собственных способностей преодолевать жизненные

препятствия и использовать компромиссы для сохранения общения. Обобщенная картина может репрезентировать, скорее, избирательную доверительность и недостаточную способность к поддержке позитивных отношений с окружающими.

Таблица 2

Выраженность показателей компонентов психологического благополучия в целом по выборке и в кластерных группах

Шкалы	Показатели выборки ¹ (n = 129)		ЭГ-1 (n = 56)		ЭГ-2 (n = 73)		t-критерий Стьюдента ²
	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	
1. Положительные отношения с другими	52,76	7,29	54,19	8,51	51,68	6,05	1,87
2. Автономия	53,81	7,76	57,41	8,19	51,01	6,15	4,86**
3. Управление окружением	53,33	8,60	58,02	8,74	49,74	6,54	5,93**
4. Личностный рост	54,12	11,48	64,5	6,13	46,16	7,61	10,82**
5. Цель в жизни	57,77	12,08	66,02	8,99	51,43	10,20	8,61**
6. Самопринятие	53,01	9,14	59,52	6,50	48,03	7,63	9,22**
7. Баланс аффекта	99,68	15,36	93,27	13,53	104,60	14,94	4,51**
8. Осмысленность жизни	96,86	16,44	104,38	13,9	91,11	15,99	5,03*
9. Человек как открытая система	62,48	9,78	67,42	8,75	58,69	8,83	5,59**

Примечания. ¹ – нормативы средних показателей в целом по выборке; ² – показатели получены при сравнении ЭГ-1 и ЭГ-2. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

Резюмируя результат исследования актуального психологического благополучия на первом этапе, мы можем предполагать, что респондентам ЭГ-1 свойственны готовность сопереживать, устанавливать эмоционально насыщенные отношения и находить компромиссы, самостоятельно регулировать и контролировать собственное поведение, планировать и организовывать жизненное пространство, находить способы актуализации ресурсов собственного развития, признавать и принимать свою внутреннюю неоднородность.

Для участников ЭГ-2 актуальное психологическое неблагополучие можно описать как демонстрацию снижения удовлетворенности обстоятельствами собственной жизни (по сравнению с ЭГ-1), включающую сложности в проявлении теплоты и заботы о других и зависимость от мнения (оценки) окружающих, снижение контроля над происходящей реальностью, интереса к жизни, намерений, перспектив реализаций жизненных замыслов и потребности интегрирования аспектов жизненного опыта. Обобщенные данные ПБ этой кластерной группы свидетельствуют, скорее, о тенденции к тактике пассивности и бесцельности существования.

Второй этап предполагал решение нескольких исследовательских задач:

– построение профиля соотношений средних стандартизированных баллов шкал ДОПО с целью изучения общей характеристики переживания одиночества респондентами выборки;

- проведение сравнительного анализа показателей субшкал опросника, чтобы выявить особенности отношения и установок к одиночеству в группах;
- реализация корреляционного анализа с целью изучения взаимосвязей между данными субшкал ДОПО и компонентов ПБ, результат которого может обозначить групповую специфику.

Результаты исследования

Как видно из табл. 3 в обеих кластерных группах средние баллы шкал опросника соответствуют диапазону средних параметров выборки, но статистически значимо различаются.

Таблица 3

Выраженность показателей шкал ДОПО в целом по выборке и в кластерных группах

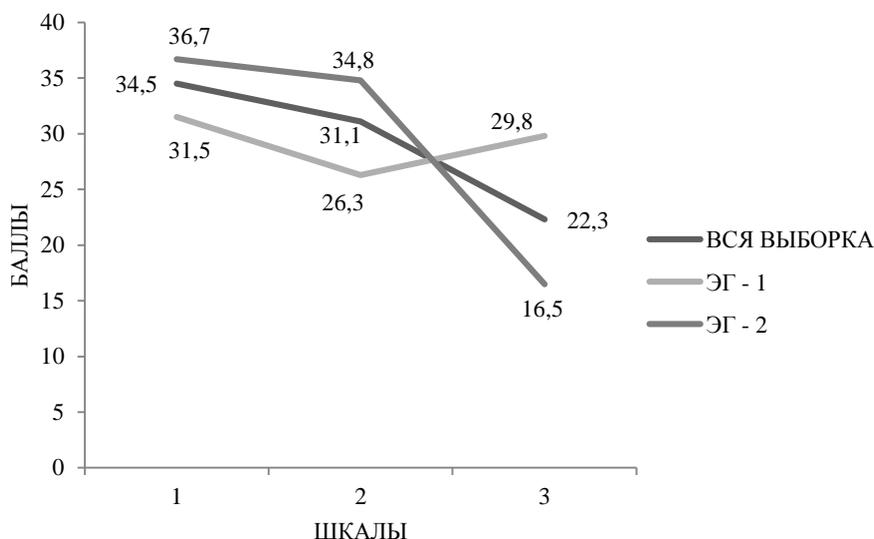
Шкалы	Показатели выборки (n = 129)		ЭГ-1 (n = 56)		t-критерий Стьюдента ¹	ЭГ-2 (n = 73)		t-критерий Стьюдента ²	t-критерий Стьюдента ³
	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.		Ср. знач.	Ст. откл.		
Общие переживание одиночества (ОО)	34,46	8,66	31,54	9,53	1,97	36,71	7,17	1,97*	3,38**
Зависимость от общения (ЗО)	31,13	6,84	26,38	5,03	5,23**	34,76	5,72	4,03**	8,79**
Позитивное одиночество (ПО)	22,29	8,78	29,80	6,89	6,21**	16,53	4,79	6,03**	12,23**

Примечание. ¹ – сравнение показателей выборки и ЭГ-1; ² – сравнение показателей выборки и ЭГ-2; ³ – показатели получены при сравнении ЭГ-1 и ЭГ-2.

Далее нас интересовал характер сочетания характеристик переживания и отношения к одиночеству в ЭГ-1 и ЭГ-2. На рис. 2 графически представлены профили отношения к одиночеству в изучаемых группах, и в целом они демонстрируют относительную близость данных по шкале общего переживания одиночества (ОО), но взаимно обратные отношения показателей зависимости от общения (ЗО) и позитивного одиночества (ПО), что определяет групповую специфику. Так, респонденты ЭГ-1 фиксируют показатели ОО ниже среднего диапазона выборки (см. табл. 3) и значимо более низкие показатели ЗО на фоне баллов ПО значимо выше среднего. Мы можем предполагать, что участники данной группы толерантны к одиночеству и способны принимать уединение.

Другую картину продемонстрировали испытуемые в группе ЭГ-2, где значимо высокие баллы ОО сочетаются с значимо более высокими по ЗО и низкими по шкале ПО (см. табл. 3). Этот факт позволяет нам характеризовать испытуемых как репрезентирующих, скорее, принятие собственного одиночества как актуального страдания и переживания, а также возможные сложности проживания уединения, совсем не находя в нем ресурса своего

бытия. Также хотелось бы отметить «графическую схожесть» профилей ЭГ-2 и общей выборки, что, вероятно, можно трактовать как общую тенденцию.

Рис. 2. Средние стандартизированные баллы в целом по выборке и в кластерных группах по шкалам: 1 – «общее одиночество» (ОО); 2 – «зависимое одиночество» (ЗО); 3 – «позитивное одиночество» (ПО)

На следующем шаге, используя показатели субшкал ДОПО (табл. 4), был реализован корреляционный анализ в группах между параметрами опросника одиночества и данными компонентов психологического благополучия.

Таблица 4

Выраженность показателей субшкал ДОПО в целом по выборке и в кластерных группах

Шкалы	Показатели выборки (n = 129)		ЭГ-1 (n = 56)		ЭГ-2 (n = 73)		t-критерий Стьюдента ¹
	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	
Изоляция	12,37	4,30	11,18	4,69	13,30	3,75	2,77*
Самоощущение	10,35	3,58	9,64	3,65	10,98	3,42	2,29*
Отчуждение	11,63	3,66	10,87	3,92	12,21	3,36	2,05*
Дисфория одиночества	9,52	2,63	8,34	2,23	10,44	2,54	5,12**
Одиночество как проблема	10,68	3,38	9,23	3,26	11,79	3,08	4,53**
Потребность в компании	10,79	3,41	8,80	1,43	12,33	3,69	7,46**
Радость уединения	9,94	3,67	12,25	2,93	8,17	3,19	7,52**
Ресурс уединения	12,15	6,05	17,37	4,65	8,15	3,36	12,55**

Примечания. ¹ – показатели получены при сравнении ЭГ-1 и ЭГ-2.

* – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

Охарактеризуем далее результаты корреляций детально по субшкалам ДОПО.

Субшкалы «Общего одиночества» отражают степень актуального ощущения одиночества и дефицит близкого общения. Представленные в табл. 5 данные корреляционного анализа свидетельствуют как о наличии одинаковых корреляций в обеих группах, так и об их групповых различиях.

Таблица 5

Корреляции субшкал ОО с компонентами ПБ в кластерных группах

Шкалы	Изоляция		Самоощущение		Отчуждение	
	ЭГ-1	ЭГ-2	ЭГ-1	ЭГ-2	ЭГ-1	ЭГ-2
Положительные отношения с другими	-0,103	-0,178	-0,280*	-0,209	0,168	0,086
Автономия	-0,209	-0,237*	-0,399**	-0,119	-0,226	-0,058
Управление окружением	-0,386**	-0,359**	-0,322*	-0,248*	-0,504***	-0,212
Личностный рост	0,161	-0,155	0,048	0,045	0,280*	-0,091
Цель в жизни	-0,121	-0,423***	0,073	-0,145	-0,105	-0,044
Самопринятие	-0,185	-0,299*	-0,270*	-0,185	-0,110	-0,238*
Баланс аффекта	0,289*	0,249*	0,254	0,186	0,308*	0,194
Осмысленность жизни	-0,194	-0,244*	-0,180	-0,106	-0,184	0,051
Человек как открытая система	0,017	0,065	-0,145	-0,118	0,027	0,052

Примечание. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

Так, в ЭГ-1 и ЭГ-2 фиксируются значимые отрицательные корреляции между субшкалами «изоляция» и «управление окружением» ($p \leq 0,01$), «самоощущение» и «управление окружением» ($p \leq 0,05$).

Также одновременно в группах фиксируется слабая положительная корреляционная взаимосвязь между субшкалами «изоляция» и «баланс аффекта» ($p \leq 0,05$). Причем у респондентов первой группы взаимосвязи оказались более сильными.

Анализ показателей, определяющих групповые особенности:

1. В первой кластерной группе зарегистрированы отрицательные взаимосвязи:

– между показателями субшкал «самоощущение» и рядом показателей шкал ПБ – «положительные отношения с другими», «самопринятие» ($p \leq 0,05$) и «автономия» ($p \leq 0,01$);

– между субшкалой «отчуждение» и данными субшкал ПБ «управление окружением» ($p \leq 0,001$); слабая положительная корреляция ($p \leq 0,05$) регистрируется между данными «отчуждение» и показателями ПБ «личностный рост» и «баланс аффекта».

2. Во второй экспериментальной группе показатели «изоляция» значимо отрицательно взаимосвязаны с показателями шкал «цель в жизни» ($p \leq 0,001$), «осмысленность в жизни», «автономия» и «самопринятие» ($p \leq 0,05$); показатели «отчуждение» обнаруживают обратную связь с показателями «самопринятия» ($p \leq 0,05$).

Итак, можно отметить, что большее число корреляций в ЭГ-1 по субшкале «самоощущение», а в ЭГ-2 – по шкале «изоляция».

Субшкалы «Зависимости от общения» измеряют негативные чувства, связанные с одиночеством («дисфория одиночества») и представления респондентов о потребности в общении («потребность в компании»), а также отражают негативную оценку одиночества как феномена («одиночество как проблема») (табл. 6).

Таблица 6

Корреляции субшкал ЗО с компонентами ПБ в кластерных группах

Шкалы	Дисфория одиночества		Одиночество как проблема		Потребность в компании	
	ЭГ-1	ЭГ-2	ЭГ-1	ЭГ-2	ЭГ-1	ЭГ-2
Положительные отношения с другими	-0,211	0,096	-0,040	-0,156	-0,336*	0,113
Автономия	-0,107	-0,166	-0,202	0,063	0,050	-0,241
Управление окружением	-0,340*	-0,043	-0,280*	-0,301*	0,119	-0,270*
Личностный рост	0,024	0,069	-0,126	-0,067	-0,206	-0,099
Цель в жизни	0,110	-0,296*	0,017	-0,053	0,206	-0,235*
Самопринятие	-0,205	-0,217	-0,253	0,074	-0,039	-0,124
Баланс аффекта	0,012	0,228	0,076	0,099	-0,089	0,139
Осмысленность жизни	-0,178	-0,111	-0,187	-0,113	0,035	-0,187
Человек как открытая система	-0,434***	-0,262*	-0,222	-0,026	-0,094	-0,206

Примечание. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

Как видно из табл. 6, в обеих группах одновременно фиксируются две отрицательные корреляции: между показателями субшкалы «дисфория одиночества» и показателями субшкалы «человек как открытая система» (для ЭГ-1 при $p \leq 0,001$; для ЭГ-2 при $p \leq 0,05$) и между показателями субшкал «одиночество как проблема» и «управление окружением» ($p \leq 0,05$). Кроме того, в ЭГ-1 регистрируются следующие отрицательные взаимосвязи ($p \leq 0,05$) – между «дисфория одиночества» / «управление окружением» и «потребность в компании» / «положительные отношения с другим».

У респондентов ЭГ-2 выявляются значимые отрицательные корреляционные взаимосвязи между показателями субшкалы ПБ «цель в жизни» и показателями субшкал ДОПО «дисфория одиночества» и «потребность в компании» ($p \leq 0,05$).

Субшкалы «Позитивного одиночества» измеряют способность респондентов находить ресурс в уединении для самопознания, саморазвития и, возможно, самореализации.

В табл. 7 отражены результаты корреляционного анализа между компонентами ПБ и заявленной субшкалы. Связи позитивного уединения с показателями психологического благополучия не самые малочисленные. Так,

в ЭГ-1 фиксируются значимо положительные взаимосвязи между показателями субшкалы «радость уединения» с показателями субшкал ПБ «самопринятие» ($p \leq 0,01$), «человек как открытая система» и между субшкалой «ресурс уединения» и показателями «управления окружением» ($p \leq 0,05$).

Таблица 7

Корреляции субшкал ПО с компонентами ПБ в кластерных группах

Шкалы	Радость уединения		Ресурс уединения	
	ЭГ-1	ЭГ-2	ЭГ-1	ЭГ-2
Положительные отношения с другими	0,028	-0,151	0,079	-0,216
Автономия	0,177	-0,187	0,161	0,161
Управление окружением	0,227	-0,101	0,264*	0,222
Личностный рост	-0,094	0,101	0,062	-0,061
Цель в жизни	-0,113	-0,124	-0,121	0,309**
Самопринятие	0,303**	-0,188	0,166	0,173
Баланс аффекта	0,158	-0,034	0,087	-0,226
Осмысленность жизни	0,185	-0,105	0,126	0,138
Человек как открытая система	0,264*	-0,109	0,084	0,012

Примечание. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

В ЭГ-2 отмечается всего одна значимая положительная корреляция между показателями субшкалы «ресурс уединения» и субшкалы «цель в жизни» ($p \leq 0,01$). Более наглядно корреляционные связи представлены на рис. 3.

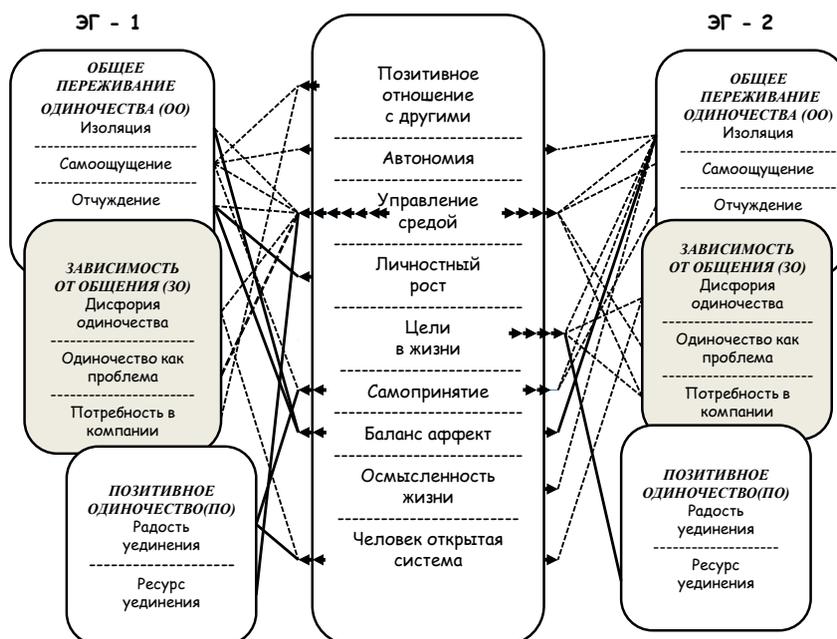

Рис. 3. Значимые корреляционные взаимосвязи между показателями субшкал ДОПО и показателями шкал ПБ в ЭГ-1 и ЭГ-2:

----- – отрицательная взаимосвязь; — – положительная взаимосвязь

Как видно из рис. 3, в обеих группах наибольшее и практически одинаковое количество корреляций фиксируется со шкалой «общее переживание одиночества», что, вероятно, дает нам основание еще раз подчеркнуть важность актуального ощущения одиночества для всех участников исследования. Однако качественный анализ феномена одиночества в группах с разными уровнями психологического благополучия обнаруживает свою специфику.

Так, в первой ЭГ-1 сохранность у стареющего человека самостоятельности и активности, компетенций в управлении окружением, позитивной оценки всех сторон собственной личности, готовность к использованию механизмов конструктивного общения и освоению нового опыта способствуют поддержанию контактов с людьми, которые его «по-настоящему понимают» и принимают близкое и доверительное общение с ним. Обозначенная картина явно репрезентирует отсутствие недостатка в дружеском общении, что, вероятно, минимизирует негативные чувства переживания одиночества и обязательного участия в компании как инструмента связи с социумом.

Интерес представляет слабopоложительная взаимосвязь «отчуждения» с «личностным ростом» – возможно, эта корреляция является артефактом выборки. Мы возьмем на себя смелость предположить, что стареющий человек, осознанно выбравший стратегию непрерывающегося развития и изменяющийся в соответствии с собственными познаниями и достижениями, воспринимающий себя «самореализовывающимся», может испытывать отсутствие значимых связей с окружающими по ряду причин.

Во-первых, в условиях стремительных инноваций, технологизаций и фрагментаций жизни в обществе старый человек зачастую оценивается как нерелевантный. Так, многие исследователи аргументировано пишут о довольно заметном в российском обществе увеличении межпоколенной социальной дистанции, которая может быть определена как степень близости или отчуждения [37 и др.]. Наибольшее отдаление отмечено в профессиональной сфере, где доминирует, скорее, негативное отношение к пожилым сотрудникам. В свою очередь, социальное дистанцирование стимулирует пространственное, что часто приводит к вынужденной необходимости пожилому человеку ориентироваться главным образом на траекторию доживания в старости.

Второй причиной можно обозначить неоднозначное отношение к «развивающейся личности» внутри самой возрастной когорты. Позиция пассивного «пенсиянства» как альтернатива продуктивно-деятельностного усиливает чувство невостребованности и ускоряет развитие эмоционально-личностного старения, вследствие чего можно наблюдать непонимание, непринятие, неодобрение, сильное раздражение и даже в некоторых случаях агрессию к человеку своего возраста, но открытому к дальнейшим экспериментам с собственной жизнью и демонстрирующему непрерывающуюся реализацию своего потенциала.

В целом респонденты данной группы репрезентируют спокойное отношение к переживанию одиночества и, что не менее важно, к другим одиноким людям. Данный факт может свидетельствовать, что в целом им не свойственна негативная оценка одиночества как феномена. Кроме того,

немногочисленные корреляции «позитивного уединения», вероятно, отражают способность участников использовать ситуацию уединения как возможность «быть, а не казаться» настоящим, переживать положительные эмоции и принимать себя реальным (субшкала «радость уединения», $p \leq 0,05$). Также можно отметить создание условий, подходящих для реализации уединения как ресурса, скорее, как тенденцию, что может способствовать формированию целостного и реалистичного взгляда на жизнь и непосредственности ее переживания (субшкала «ресурс уединения», $p \leq 0,05$). Таким образом, анализ выбора ответов респондентов ЭГ-1 отражает безболезненное принятие одиночества в целом и уединения с акцентами на возможности его позитивного аспекта в частности.

В ЭГ-2 содержательный анализ корреляционных связей свидетельствует о том, что большее количество отрицательно значимых взаимосвязей фиксируется по субшкале «изоляция», что, вероятно, можно трактовать как факт выраженной дефицитарности (бедности) контактов респондентов данной группы с окружающими, острой нехватки эмоционально близких, доверительных и конструктивных отношений. Низкая значимость целей собственной жизни, зависимость и ориентированность на мнение других, сложности реализации жизненных замыслов, нежелание / неумение интегрировать жизненный опыт участниками второй экспериментальной группы может способствовать или даже стимулировать состояние скуки, тоски, печали и в целом актуализировать мучительно болезненные представления одинокой немощности и никчемности. Данное состояние подстегивает стареющего человека к постоянному пассивно-вынужденному поиску компании и участию в общении любого рода и качества как способа замещения социального принятия.

Сложность в теоретическом осмыслении представляет значимо положительная корреляционная взаимосвязь между «ресурсом уединения» и «целями в жизни». Для объяснения полученного факта мы сочли уместным использовать результаты отдельных исследований, анализ которых свидетельствует о случаях осознанного выбора «пенсионного уединения» [38]. Авторами было показано, что на этапах геронтогенеза дефицит и неопределённость целей и планов, снижение чувства направленности, негативная недифференцированная оценка будущего, как правило, связанные с обязательным неблагоприятным прогнозом состояния здоровья, могут провоцировать блокировку жизненных перспектив и запускать механизм личностной стагнации. Таким образом, респонденты ЭГ-2 репрезентируют себя, скорее, как людей одиноких, демонстрирующих актуальную выраженность переживания изоляции и неспособность находить в уединении ресурс продуктивного способа реализации своих возможностей и жизненных замыслов.

Обсуждение результатов и выводы

Современная научная дискуссия о проблеме геронтогенеза свидетельствует о конструировании новых мировоззренческих позиций относительно

старости человека, где вопросы одиночества по-прежнему сохраняют актуальность [3, 34 и др.].

Например, в контексте «либерализации старения» акцент поставлен на отказе от бытующих стереотипов о распространенном и вынужденном характере одиночества в старости и необходимости его *обязательного преодоления* [39 и др.]. Гарантированная социальная поддержка для обеспечения пространственных и психологических условий самореализации стареющего человека может выступать альтернативой непосредственных социальных отношений в общественном пространстве. Тогда востребованность в стареющем возрасте может проявляться путем «жизни в сообществе» через *осмысленное одиночество* (уединение) как оправданную дистанцию, создающую контекст общения и социального взаимодействия. Дистанцирование от шума текущих событий позволяет устанавливать новые осмысленные связи с окружающими и существенно расширять собственные представления о происходящем. Важно заметить, что инновационные технологии и социальные сети сильно трансформировали мир повседневности современного человека на этапе геронтогенеза, где его изоляция может быть, скорее, следствием собственного предубеждения, а преодоление дряхлости сознания и безразличия к собственной судьбе трактоваться как осмысленное старение [40].

В контексте старения как «триумфа активно-продуктивной старости» также допускается одиночество как отход от социальной вовлеченности и использование возможности творческой ценности неактивности для спокойного размышления и критического анализа. По мнению L. Tornstam (2011), активное старение не исключает «позитивного уединения» (positive-solitude), которое совсем не идентично представлению о выпадении из социальной деятельности. Уединение и возможность созерцания крайне важны и необходимы как элементы достижения критической дистанции [4]. Продуктивная критическая неактивность может являться символическим пространством для исследования смысловых конструкций старения и в то же время выступать условием критического осмысления экзистенциальных преимуществ долголетия [3].

Резюмируя краткий обзор, мы возьмем на себя смелость поразмышлять о культурном смягчении представлений об одиночестве в геронтологических когортах и сдвиге их от доминирующего негативного, скорее психосоциального, факта в сторону экзистенциального, в целом трактуя его как ресурс самореализации пожилого и старого человека.

В данной работе предпринята попытка рассмотреть одиночество как *многомерный феномен*, включающий анализ актуального переживания одиночества и установки личности к одиночеству как экзистенциальному факту. Проведенное исследование показало, что переживание одиночества является неоднородным, обладает групповой специфичностью, в которой могут быть обозначены компонентные связи, характеризующие особенности субъективного восприятия стареющим человеком событий жизни и проблематизирующие благоприятные / неблагоприятные возможности реали-

зации жизненного замысла в целом. Реализация возможностей поддержания пространственных и психологических условий самореализации пожилых и старых людей способствует мобилизации их контроля и ответственности перед «открывающимися вызовами стареющего общества», что, в свою очередь, снижает негативные чувства, мысли и установки в ситуации одиночества и даже изоляции.

В большинстве же случаев сокращения (разрушения) палитры возможностей для автономного выбора и организации условий структурирования повседневной жизни вынуждают личность в период геронтогенеза смириться с самоограничениями, принять отказ от равноправной и суверенной «жизни в сообществе». Данное состояние усиливает неуверенность в стабильности «разворачивающейся старости и сопутствующих ей ограничений» [22. С. 47] и делает крайне сложным решение проблем самостоятельно, что, в свою очередь усиливает неопределенность и изолированность.

В то же время результат нашего исследования свидетельствует, что независимо от уровня психологического благополучия испытуемые демонстрируют намечающуюся тенденцию к принятию одиночества с точки зрения актуализации его позитивного ресурса как экзистенциального факта.

В заключение хотелось бы отметить, что заявленное исследование имеет обоснованные предпосылки и может составить актуальное поле для дальнейшего изучения позитивного аспекта одиночества в старости как ресурса для разрешения экзистенциальных и духовных проблем возраста.

Литература

1. World Report on Aging and Health. World Health Organization. Geneva, 2015. URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/186463/1/9789240694811_eng.pdf
2. Beard J.R., Biggs S., Bloom D.E., Fried L., Hogan P., Kalache A., Olshansky S.J. Global Population Ageing: Peril or Promise? Geneva : World Economic Forum, 2011. 144 p.
3. Биггз С., Хаапала И. Долгая жизнь, взаимопонимание и эмпатия поколений / пер. с англ. А.А. Ипатовой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 46–58. DOI: 10.14515/monitoring.2016.2.03.
4. Tornstam L. Maturing into Gerotranscendence // Journal of Transpersonal Psychology. 2011. Vol. 43, № 2. P. 166–180.
5. Наумова В.А. Творческая активность как потенциал личностной динамики в период позднего онтогенеза // Сибирский психологический журнал. 2013. № 49. С. 113–125.
6. Rowe J.W., Kahn R.L. Successful Aging 2.0: Conceptual Expansions for the 21st Century // Journal of Gerontology Series B: Psychological Sciences & Social Sciences. 2015. Vol. 70, № 4. P. 593–596. DOI: 10.1093/geronb/gbv025.
7. Бельцова И.А. Концепция «успешное старение» как нормативный конструкт в формировании позитивного образа старости в демократическом обществе // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 283–288.
8. Глозман Ж.М., Наумова В.А. Жизненный опыт как потенциал успешного старения // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15, № 3. С. 25–51. DOI: 10.21702/grj.2018.3.2.
9. Роик В.Д. Пенсионный возраст и модернизация пенсионных систем: отечественный и зарубежный опыт. М. : Юрайт, 2018. 336 с.

10. Nilsson H., Bülow P.H., Kazemi A. Mindful Sustainable Aging: Advancing a Comprehensive Approach to the Challenges and Opportunities of Old Age // *Europe's Journal of Psychology*. 2015. Vol. 11, № 3. P. 494–508. DOI: 10.5964/ejor.v11i3.949.
11. Краснова О.В. Порождение заблуждений: пожилые люди и старость // *Отечественные записки*. 2005. № 3 (24). URL: <http://www.strana-oz.ru>
12. Колесникова Г.И. Феномен одиночества: стереотипы восприятия и модусы развития // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2, ч. 18. С. 4109–4112.
13. Weiss R.S. *Loneliness: the experience of emotional and social isolation*. Cambridge, MA : MIT Press, 1973.
14. Пепло Л., Перлман Д. Теоретические подходы к одиночеству // *Лабиринты одиночества : сб. ст. / сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского*. М. : Прогресс, 1989. С. 152–169.
15. Покровский Е.Н., Иванченко Г.В. *Универсум одиночества: социологические и психологические очерки*. М. : Логос, 2008. 424 с.
16. Берзин Б.Ю. Маркетинг одиночества // *Дискуссия. Социологические науки*. 2015. № 3 (55). С. 60–66.
17. Тихонов Г.М. Феномен одиночества: гендерный аспект // *Вестник Пермского университета*. 2015. № 1 (21). С. 26–31.
18. Любякин А.А., Оконечникова Л.В. Одиночество у студентов // *Педагогическое образование в России*. 2016. № 2. С. 149–156.
19. Леонтьев Д.А. Экзистенциальный смысл одиночества // *Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия*. 2011. № 2 (19). С. 101–108.
20. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО). М. : Смысл, 2016. 88 с.
21. Лященко М.Н. Проблема одиночества в экзистенциальной модели бытия // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2017. № 3 (77), ч. 1. С. 85–88.
22. Еллотина М.Э., Трофимова О.А. Одинокое проживание и переживание одиночества в позднем возрасте // *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. Т. 15, №1. С. 37–50. DOI: <https://doi.org/10.17323/1727-0634-2017-15-1-37-50>.
23. Ишанов С.А., Осин Е.Н., Костенко В.Ю. Личностное развитие и качество уединения // *Культурно-историческая психология*. 2018. Т. 14, № 1. С. 30–40. DOI: 10.17759/chp.2018140104.
24. Gerino E., Rollè L., Sechi C., Brustia P. Loneliness, Resilience, Mental Health, and Quality of Life in Old Age: a Structural Equation Model // *Front. Psychol*. 2017. Vol. 8. 2003. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.02003.
25. Быдтаева Э.Л., Зураева А.М. Одиночество пожилых людей как психологическая проблема // *Современные исследования социальных проблем*. 2017. Т. 8, № 6-2. С. 224–227. DOI: 10.12731/2218-7405-2017-6-2-224-227.
26. Арутюнян А.А. Зависимость возникновения чувства одиночества у пожилых людей от места проживания // *Молодой ученый*. 2015. № 19 (99). С. 5–8.
27. Никитина Т.Н., Шакирова А.Ю. Социальное самочувствие граждан пожилого возраста в условиях городской среды // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2016. № 20. С. 43–52.
28. Чифтчи Б. Одиночество пожилых людей как социальная проблема // *Научный журнал*. 2018. № 2 (25). С. 57–59.
29. Biggs S., Carstensen L., Hogan P.I. Social Capital, Lifelong Learning and Social Innovation // *Global Population Ageing: Peril or Promise?* Geneva : World Economic Forum, 2012. P. 39–41.
30. Olshansky S.J., Beard J., Börsch-Supan A. The Longevity Dividend: Health as an Investment // *Global Population Ageing: Peril or Promise?* Geneva : World Economic Forum, 2012. P. 57–60.
31. Sachs-Ericsson N., Kendall-Tackett K.A., Sheffler J., Arce D., Rushing N.C., Cosentino E. The impact of previous rape on the psychological and physical health, the functioning of

- the elderly // *Mental health aging*. 2014. Vol. 18. P. 717–730. DOI: 10.1080/13607863.2014.884538.
32. Шахматов Н.Ф. Старение – время личного познания вечных вопросов и истинных ценностей // *Психология зрелости и старения*. 1998. № 2. С. 14–20.
33. Шахматов Н.Ф. Старение. Норма и патология // *Психология старости : хрестоматия* / под ред. Д.Я. Райгородского. Самара : Бахрах-М, 2004. С. 228–322.
34. Рогозин Д.М. Пять книг о либеральном толковании одиночества в старшем возрасте // *Психология зрелости и старения*. 2013. № 2. С. 59–66.
35. Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // *Journal of Personality and social Psychology*. 1989. Vol. 57. P. 1069–1081.
36. Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П. Психологическое благополучие личности // *Психологическая диагностика*. 2005. № 3. С. 95–121.
37. Старость в современном Российском обществе: интеробъективный и интересубъективный контексты // под ред. М.Э. Елютиной. Саратов : Саратов. гос. ун-т им. Ю.А. Гагарина, 2010. 255 с.
38. Dickens A.P., Richards S.H., Greaves S.D., Campbell J.L. Interventions for the social exclusion of the elderly: a systematic review // *BMC Public Health*. 2011. Vol. 11 (647). DOI: 10.1186 / 1471-2458-11-647.
39. *Aging in a community* / J.M. Blanchard, B. Anthony (eds.). Chapel Hill, NC : Second Journey Publications, 2013.
40. Golden J., Conroy R.M., Bruce I., Denikhan A., Green A., Kirby M. Loneliness, social support networks, the mood and well-being of older people // *Int. J. Geriatr. Psychiatry*. 2009. Vol. 24 (7). P. 694–700. DOI: 10.1002 / gps.2181.

Поступила в редакцию 26.07.2019 г.; принята 19.09.2019 г.

Глозман Жанна Марковна – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: glozman@mail.ru

Наумова Валентина Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и практической психологии психолого-педагогического факультета Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга.

E-mail: naumovavalentina2011@mail.ru

Мазуркевич Андрей Викторович – кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и практической психологии психолого-педагогического факультета Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга.

E-mail: lokys72@mail.ru

For citation: Glozman, Z.M., Naumova, V.A., Mazurkevich, A.V. Loneliness and Attitude towards it at the Stage of Gerontogenesis. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2020; 75: 75–96. doi: 10.17223/17267080/75/5. In Russian. English Summary

Loneliness and Attitude towards it at the Stage of Gerontogenesis

Z.M. Glozman^a, V.A. Naumova^b, A.V. Mazurkevich^b

^a *Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

^b *Vitus Bering Kamchatka State University, 4, Pogranichnaya St., Petropavlovsk-Kamchatsky, 683032, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to the study of loneliness of an ageing person as a multi-dimensional phenomenon. The modern Russian society still displays traditional ideas of old

age as a period of inevitable losses where the problem of loneliness preserves its “top position” being a prevalent and indispensable attribute of the late ontogeny. This fact allowed us to formulate the purpose of investigation as to study the ageing person’s loneliness as a multi-dimensional phenomenon including the analysis of actual loneliness feeling, lack of close communication with other people, (in) ability to stay alone and find a resource in privacy. We suppose that older adults with different levels of psychological well-being will display specificity in their attitudes to experiencing, conceiving and accepting loneliness.

The research is performed on the sample group including 135 residents of Kamchatka region, aged 60-82.

At the first stage of our study, with the help of the cluster analysis of C. Ryff’s Psychological Well-being Scale standardized scores (adaptation by T.D. Shevelenkova & T.P. Fesenko) the respondents were divided into two groups with different levels of psychological well-being. The “Loneliness Experience Differential Questionnaire” (LEDQ) was used (Ye.N. Osin, D.A. Leontiev) to study the specificity of experiencing loneliness in cluster groups. It is essential that the authors of this questionnaire draw on the ideas of loneliness investigation taking into consideration not only its negative aspects but analyzing it as an existential factor which allows a person to appreciate privacy and creatively use loneliness as a significant self-actualization resource.

The second stage of our study suggested solving the following tasks: to reveal peculiarities of attitudes towards loneliness in the groups; to carry out a correlational analysis aimed at studying interrelations between the LEDQ data and the psychological well-being components, the result of which could determine the group specificity.

The research shows that loneliness experience is non-homogeneous; it displays group specificity that can manifest components relations characterizing peculiarities of ageing people’s subjective perception of life events and life purpose implementation determining possibilities on the whole. Besides, the result of this research shows that, regardless of the psychological well-being level, the respondents display an emerging tendency to accept loneliness from the standpoint of actualizing its positive resource as existential evidence.

The given research justifies and provides sufficient background for further studying the positive aspects of loneliness in the old age, as a resource for solving existential and spiritual problems of this age period.

Keywords: general loneliness; alienation; dysphoria of loneliness; exclusiveness; positive aspects of loneliness; gerontology.

References

1. World Health Organization. (2015) *World Report on Aging and Health*. Geneva. [Online] Available from: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/186463/1/9789240694811_eng.pdf
2. Beard, J. R., Biggs, S., Bloom, D.E., Fried, L., Hogan, P. & Kalache, A., & Olshansky, S.J. (2011) *Global Population Ageing: Peril or Promise?* Geneva: World Economic Forum.
3. Biggs, S. & Haapala, I. (2016) Long life, mutual understanding and generational empathy. Translated from English by A. Ipatova. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2. pp. 46–58. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2016.2.03
4. Tornstam, L. (2011) Maturing Into Gerotranscendence. *Journal of Transpersonal Psychology*. 43(2). pp. 166–180.
5. Naumova, V.A. (2013) Creative activity as personal dynamics potential in the period of late ontogeny. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Psychological Journal*. 49. pp. 113–125. (In Russian).
6. Rowe, J.W. & Kahn, R.L. (2015) Successful Aging 2.0: Conceptual Expansions for the 21st Century. *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences & Social Sciences*. 70(4). pp. 593–596. DOI:10.1093/geronb/gbv025

7. Beltsova, I.A. (2012) Kontseptsiya “uspeshnoye starenie” kak normativny konstrukt v formirovanii pozitivnogo obraza starosti v demokraticheskom obshchestve [“Successful ageing” theory as a normative construct in the formation of the late adulthood positive image in the democratic society]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii – The Review of Economy, Law and Sociology*. 1. pp. 283–288.
8. Glozman, Zh.M. & Naumova, V.A. (2018) Life experience as successful ageing potential. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*. 15(3). pp. 25–51. (In Russian). DOI: 10.21702/rpj.2018.3.2
9. Roik, V.D. (2018) *Pensionnyy vozrast i modernizatsiya pensionnykh sistem: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt* [Retirement Age and Modernization of Pension Systems: Russian and International Experience]. Moscow: Yurait.
10. Nilsson, H., Bülow, P.H. & Kazemi, A. (2015) Mindful Sustainable Aging: Advancing a Comprehensive Approach to the Challenges and Opportunities of Old Age. *Europe's Journal of Psychology*. 11(3). pp. 494–508. DOI:10.5964/ejop.v11i3.949
11. Krasnova, O.V. (2005) Porozhdeniye zabluzhdeniy: pozhilyie lyudi i starost [Generation of errors: the elderly and old age]. *Otechestvennye zapiski*. 3(24). [Online] Available from: <http://www.strana-oz.ru>
12. Kolesnikova, G.I. (2015) Phenomenon of loneliness: stereotypes of perception and modes of evolution. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 2(18). pp. 4109–4112. (In Russian).
13. Weiss, R.S. (1973) *Loneliness: The Experience of Emotional and Social Isolation*. Cambridge, MA: MIT Press.
14. Pepló, L., & Perlman, D. (1989) Teoreticheskie podkhody k odinochestvu [Theoretical approaches to loneliness]. In: Pokrovsky, N.E. (ed.) *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of Loneliness]. Moscow: Progress. pp. 152–169.
15. Pokrovsky, E.N. & Ivanchenko, G.V. (2008) *Universum odinochestva: sotsiologicheskie i psikhologicheskie ocherki* [The Universe of Loneliness: Sociological and Psychological Studies]. Moscow: Logos.
16. Berzin, B.Yu. (2015) Marketing odinochestva [Marketing of Loneliness]. *Diskussiya. Sotsiologicheskie nauki*. 3(55). pp. 60–66.
17. Tikhonov, G.M. (2015) Fenomen odinochestva: gendernyy aspekt [The loneliness phenomenon: a gender aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta – Bulletin of Perm University*. 1(21). pp. 26–31.
18. Lyubyakin, A.A. & Okonechnikova, L.V. (2016) Odinochestvo u studentov [Loneliness in students]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*. 2. pp. 149–156.
19. Leontiev, D.A. (2011) Ekzistentsialnyy smysl odinochestva [Existential meaning of loneliness]. *Ekzistentsial'naya traditsiya: filosofiya, psikhologiya, psikhoterapiya*. 2(19). pp. 101–108.
20. Osin, E.N. & Leontiev, D.A. (2016) *Differentsial'nyy oprosnik perezhivaniya odinochestva (DOPO)* [Loneliness Experience Differential Questionnaire (LEDQ)]. Moscow: Smysl.
21. Lyashchenko, M.N. (2017) Problem of loneliness in existential model of being. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 3(77). Part 1. pp. 85–88. (In Russian).
22. Elyutina, M.E. & Trofimova, O.A. (2017) Odinokoe prozhivanie i perezhivanie odinochestva v pozdnem vozraste [Lonely living and its experiencing in old age]. *The Journal of Social Policy Studies*. 15(1). pp. 37–50. DOI: 10.17323/1727-0634-2017-15-1-37-50
23. Ishanov, S.A., Osin, E.N. & Kostenko, V.Yu. (2018) Personal development and the quality of solitude. *Kulturno-istoricheskayapsikhologiya – Cultural and Historical Psychology*. 14(1). pp. 30–40. (In Russian). DOI: 10.17759/chp.2018140104

24. Gerino, E., Rollè, L., Sechi, C. & Brustia, P. (2017) Loneliness, Resilience, Mental Health, and Quality of Life in Old Age: A Structural Equation Model. *Front. Psychol.* 8. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.02003
25. Bydtaeva, E.L. & Zuraeva, A.M. (2017) Loneliness of senior people as a psychological problem. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem – Modern Studies of Social Issues.* 8(6–2). pp. 224–227. (In Russian). DOI: 10.12731/2218-7405-2017-6-2-224-227
26. Arutyunyan, A.A. (2015) Zavisimost' vozniknoveniya chuvstva odinochestva u pozhilykh lyudey ot mesta prozhivaniya [The dependence of loneliness in senior people on their place of residence]. *Molodoy uchenyy.* 19(99). pp. 5–8.
27. Nikitina, T.N. & Shakirova, A.Yu. (2016) Social well-being of elderly people in the urban environment. *Kazanskiy sotsialno-gumanitarnyy vestnik – The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin.* 20. pp. 43–52. (In Russian).
28. Chiftchi, B. (2018) Odinochestvo pozhilykh lyudey kak sotsial'naya problema [Loneliness in elderly people as a social problem]. *Nauchniy Zhurnal.* 2(25). pp. 57–59.
29. Biggs, S., Carstensen, L. & Hogan, P.I. (2012) Social Capital, Life long Learning and Social-Innovation. In: Fried, L.P., Hogan, P. Kalache, A. & Olshansky, S.J. (eds) *Global Population Ageing: Peril or Promise?* Geneva: World Economic Forum. pp. 39–41.
30. Olshansky, S.J., Beard, J. & Börsch-Supan, A. (2012) The Longevity Dividend: Health as an Investment. In: Fried, L.P., Hogan, P. Kalache, A. & Olshansky, S.J. (eds) *Global Population Ageing: Peril or Promise?* Geneva: World Economic Forum. pp. 57–60.
31. Sachs-Ericsson, N., Kendall-Tackett, K.A., Sheffler, J., Arce, D. & Rushing, N.C. & Cosentino, E. (2014) The impact of previous rape on the psychological and physical health, the functioning of the elderly. *Mental Health Aging.* 18. pp. 717–730. DOI: 10.1080/13607863.2014.884538
32. Shakhmatov, N.F. (1998) Starenie – vremya lichnogo poznaniya vechnykh voprosov i istinnykh tsennostey [Ageing as the time of personal conceiving of eternal issues and real values]. *Psikhologiya zrelosti i stareniya.* 2. pp. 14–20.
33. Shakhmatov, N.F. (2004) Starenie: norma i patologiya [Ageing: Norm and Pathology]. In: Raygorodsky D.Ya. (ed.) *Psikhologiya starosti* [Psychology of Late Adulthood] Samara: BAKHRAKH-M. pp. 228–322.
34. Rogozin, D.M. (2013) Pyatknig o liberalnom tolkovanii odinochestva v starshem vozraste [Five books on the liberal interpretation of loneliness in the older age]. *Psikhologiya zrelosti i stareniya.* 2. pp. 59–66.
35. Ryff, S.D. (1989) Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology.* 57. pp. 1069–1081. DOI: 10.1037/0022-3514.57.6.1069
36. Shevelenkova, T.D. & Fesenko, T.P. (2005) Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti [Psychological well-being of the personality]. *Psikhologicheskaya diagnostika.* 3. pp. 95–121.
37. Elyutina, M.E. (ed.) (2010) *Starost' v sovremennom Rossiyskom obshchestve: interob"ektivnyy i intersub"ektivnyy konteksty* [Late adulthood in the modern Russian society: interobjective and intersubjective contexts]. Saratov: Saratov State University.
38. Dickens, A.P., Richards, S.H., Greaves, S.D. & Campbell, J.L. (2011) *Interventions for the social exclusion of the elderly: a systematic review.* BMC Public Health. DOI: 10.1186/1471-2458-11-647
39. Blanchard, J.M. & Anthony, B. (eds) (2013) *Aging in a community.* Chapel Hill, NC: Second Journey Publications.
40. Golden, J., Conroy, R.M., Bruce, I., Denikhan, A., Green, A. & Kirby, M. (2009) Loneliness, social support networks, the mood and well-being of older people. *International Journal of Geriatric Psychiatry.* 24(7). pp. 694–700. DOI: 10.1002/gps.2181

Received 26.07.2019; Accepted 19.09.2019

Zhanna M. Glozman – Professor, Senior Researcher, Laboratory of Neuropsychology, Lomonosov Moscow State University, D. Sc. (Psychol.).

E-mail: glozman@mail.ru

Valentina A. Naumova – Associate Professor, Department for Theoretical and Practical Psychology, Vitus Bering Kamchatka State University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: naumovavalentina2011@mail.ru

Andrey V. Mazurkevich – Associate Professor, Department for Theoretical and Practical Psychology, Vitus Bering Kamchatka State University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: lokys72@mail.ru